
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

МЕЖДУ БУРЕЙ И «БУРЕВЕСТНИКОМ»: К ЮБИЛЕЮ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

В советское время имя Леонида Андреева являлось фигурой «полуумолчания», то есть сорок лет его вообще не издавали, только в 1957 году появился томик избранных (наверное, избранные Ф. М. Левиным, составителем книги) повестей и рассказов. И затем еще тридцать лет наш выдающийся писатель в отечественной печати оставался на «марочной диете»: ни тебе повторения семнадцатитомного прижизненного собрания сочинений (СПб., 1910—1916), ни сколь-либо тиражных центральных изданий. Редко-редко, явно для поправки финансовых дел, «добро» на печатание небольших по объему книжек давалось периферийным издательством...

Почему так? — Тем более, что в знаменитые проскрипционные списки пролеткультовской Комиссии Луначарского — Крупской он попал ненароком, чисто случайно, как эмигрировавший после Октябрьской революции, да и в финской деревушке Нейвала — не в Париже же, не в Берлине? — он прожил менее двух лет, скончавшись в сентябре 1919 года.

И это при всем том, что в период «бури и натиска» русской реалистической литературы начала XX века его ближайшими соратниками и единомышленниками являлись Горький, Чехов, Серафимович, Вересаев, тот же Луначарский? То есть, логически рассуждая, с позиции официальной советской литературной историографии автор «Рассказа о семи повешенных» должен бы был занять свое достойное место, как мы озаглавили этот очерк, между бурей и «Буревестником», то есть между реалистическим, художественным восприятием предреволюционного состояния всего русского общества и собственно призывом к радикальному обновлению одряхлевшего государственного устройства России. Символом же такого призыва стал «Буревестник» Горького.

Но как раз Алексея Максимовича осторожное, сверхполиткорректное советское литературоведение почти что намеками и обозначает как полутайного инициатора забвения Леонида Андреева. Автору этих строк до определенного времени не давала покоя головоломка: да, «рука» Горького здесь прослеживается однозначно, но что явилось причиной? — Ведь более близких товарищей по литературным и политическим убеждениям, по личной дружбе, нежели Горький и Андреев, в кругу русских писателей-реалистов 1900—1910-х годов и не было. И в творческом реноме, и в поведенческом плане они воспринимались почти как братья-близнецы.

...Кажется, из известных литературных воспоминаний Телешева такая мизансцена: Горький и Андреев одновременно появляются на некоем литературном журфиксе, где собрался весь цвет столичных писателей. По демократической моде тех времен оба пришли в косоворотках с поясками, широких брюках из «чертовой кожи», заправленных в высокие сапоги. Собравшиеся в парадном зале богатого дворянского дома литераторы-либералы, все сплошь во фраках и смокингах, гасят на своих лицах невольные улыбки, а большой барин и эстет Иван Бунин с сарказмом обращается к вошедшим: «Господа! Вы-ы на охоту собрались?»

И так далее, и во всем. Опять же причину конфликта Горького и Андреева, точнее — причину «руки» первого в забвении творчества Андреева, то же политкорректное литературоведение видит единственно в известном «женском вопросе», возникшем в отношениях двух писателей. Но и это не складывается, ведь здесь проигравшей стороной, обидной для любого мужчины, оказался именно Андреев.

...Головоломка — по крайней мере для нас — разрешилась, когда, еще в студенческие годы, мне стало доступным Юбилейное полное собрание сочинений в 90 томах Льва Толстого. Прочитав тридцать томов дневников и писем, не раз встретил мнение Льва Николаевича в том смысле, то он ставит Леонида Андреева в творческом плане выше Горького. Почеловечески это понятно: «Рассказ о семи повешенных» и «Жизнь Василия Фивейского» куда как ближе к нравственным исканиям позднего Толстого, нежели босяцкие рассказы и «Мать» Горького. Опять же Лев Николаевич известен своей неординарностью в индивидуальной и сравнительной оценке творчества канонических и современных ему художников слова. Достаточно вспомнить его негативное отношение к Шекспиру. В то же время он высоко ставил столь нелюбимых «передовой общественностью» 1900—1910-х годов писателей, как Михаил Арцыбашев («У последней черты»), Федор Сологуб («Мелкий бес»), Дмитрий Мережковский («Христос и Антихрист»), хотя бы их писатели-демократы и клеймили порнографистами, мистиками и декадентами.

Но — слово сказано, а Алексей Михайлович, при всех его творческих и личностных достоинствах, как и всякий большой писатель, пришедший в большую же литературу «своими шагами», очень щепетильно относился к оценке своего творчества. И тем более в советский период его жизни, когда он практически ничего художественного не создал, исключая пьесу «Сомов и другие» — малоудачную и, как говорится, написанную не ко времени.

...И Горького здесь можно понять: слишком сильный разбег он взял в первую половину своей жизни, раньше времени «выложился» как художник слова. Такое часто бывает с писателями. Тот же гений русской, советской литературы Михаил Шолохов.

Конечно, здесь нельзя и недопустимо все упрощать: что-де обиженный отзывом Толстого Горький приказал «сбросить Андреева с корабля истории» — в духе идеологов Пролет-

культы. Здесь ситуация намного тоньше и изощреннее; достаточно вспомнить реалии литературной жизни страны, в 20—50-е годы, что так блестяще описал Михаил Булгаков в «Мастере и Маргарите». Среди пестрого состава тогдашних столичных литераторов и окололитературных лиц, где наиболее напористыми являлись пролеткультисты и «набежавшие классики одесской литературы», было немало подхалимов и вообще державших постоянно нос по ветру. Да тут еще Иосиф Виссарионович назначил Горького главным писателем страны, поручив в рамках созданного Союза писателей СССР разгребать авгиевы конюшни литературного пестроцветья 20—30-х годов... Эти-то подхалимы и прилипали и оттеснили Леонида Андреева в «попутчики», памятуя тот самый отзыв Льва Толстого.

А дальше вплоть до 80-х годов все шло по накатанной, по главенствующей в советском литературоведении инерции. Даже после начала публикации книг Андреева в конце 50-х годов, в официальном мнении писатель относился к некоему третьему разряду. Так в первом томе Малой Советской Энциклопедии (1958-й год) Леониду Андрееву уделена треть колонки без фото и с обтекаемыми эпитетами: «содержит черты критического реализма», «творчество Андреева остается противоречивым» и так далее. Даже не упомянуто лучшее — это не только наше субъективное мнение — произведение Андреева — рассказ «Бездна».

...Написанное выше — не просто занимательный экскурс в «литературную кухню», но косвенное подтверждение того факта, что творчество Леонида Андреева при его жизни и в последующие девяносто лет, вплоть до наших дней, принадлежит, по словам Горького, «человеку редкой оригинальности, редкого таланта и достаточно мужественному в своих поисках истины».

Эти слова охотно подтвердит всякий читатель и почитатель русской литературы, тонко чувствующий художественное слово. Есть в литературном процессе такое понятие, как «дуновение свежего ветра». Растворить его можно следующим сравнением. Как на человека, живущего на берегу моря и уже привыкшего к ровной штилевой погоде, стоящей не один день, в этой сонной размеренности вдруг налетает резковатый, йодистый ветерок — предвестник скорого шторма, так и на читателя действует «дуновение свежего ветра», когда при долгом чтении великолепных книг классики ему вдруг попадает в руки том нового для него писателя. Не только для него нового, но и для всей устоявшейся традиции литературы.

...Вот такое ощущение автор этого очерка и испытал, когда — опять же еще в студенческие годы — в тульской «Букниге», богатой в семидесятые годы на староизданные раритеты, приобрел том Леонида Андреева «нивского» издания 1912-го года. Первым в этой книге стоял «Рассказ о семи повешенных». Еще там были «Жизнь Василия Фивейского»,

---

* Кстати и по поводу: в мае этого года исполнилось 120 лет со дня рождения Михаила Афанасьевича Булгакова (1891—1940).

«Бездна», «Иуда Искарот» — то есть самые значимые произведения доселе неизвестного мне писателя.

Кстати говоря, такое же ощущение испытывал, впервые читая книги Федора Сологуба (не путать с автором знаменитого «Тарантаса» графом Владимиром Соллогубом), Дмитрия Мережковского и Михаила Арцыбашева, то есть всех тех писателей — а Соллогуба еще и великолепного поэта, — каждый из которых, как и Леонид Андреев, ранний Горький, «свежего ветра», чей талант сравним, а в чем-то и превосходил, с признанными классиками русской литературы конца XIX — начала XX вв. Но им опять же «повезло» попасть в проскрипционные списки Комиссии Луначарского — Крупской, то есть до конца века минувшего их имена были изъяты из литературного процесса. Самое обидное, что были изъяты именно в тот (советский) период, когда наша страна была действительно самой читающей в мире. Такого феномена нигде больше не было, а теперь и не будет... Сейчас — читай не хочу их, но дорого яичко в пасхальный день. Время чтения в России ушло, читают на сон грядущий только свои чековые книжки. У кого они, конечно, имеются.

Не является целью и задачей настоящей «Колонки главного редактора» литературоведческий анализ творчества Леонида Андреева, но отметим, что «свежесть ветра» в его произведениях — это прежде всего новый для русской литературы показ художественными средствами динамики изменения, перевоплощения черт характера на стыке социального и биологического. Может поэтому некоторые литературоведы-модернисты и «сватают» Андреева к фрейдистам? Например, сравнивая его лучшие произведения с «Самопознанием Дзено» итальянца Итало Звево — классиком литературного фрейдизма? Но быть фрейдистом — это для Леонида Андреева слишком мелко и примитивно. Здесь надо копать глубже, прочтя прежде всего «Иуду Искарота», но особенно — «Бездну». Потому мы и публикуем ее ниже.

В этом, относительно небольшом по объему, рассказе Леонид Андреев мастерски показал как легко человек социальный скатывается до животного, биологического вида, «расчеловечивается» — термин новейшей социальной психологии. Как в единый момент рушится в человеке все, что дало ему не одно тысячелетие цивилизации и культуры. Какое же хрупкое создание природы есть человек? Как зыбки в его натуре границы между социальным и биологическим!

Многие большие и великие художники слова стремились обыграть эту зыбкость, показать, как человек деградирует по определяющим его человеческую, гуманитарную сущность объектам: культура, любовь, женщина, деньги, семья... Но, пожалуй, только Андрееву одной лишь, заключительной фразой рассказа удалось отобразить этот миг перехода хрупкой границы: «И с силой он прижался к ее губам, чувствуя, как зубы вдавливаются в тело, и в боли и крепости поцелуя теряя последние проблески мысли. Ему показалось, что губы девушки дрогнули. На один миг сверкающий огненный ужас озарил его мысли, открыв перед ним черную бездну. И черная бездна по-

глотила его».

...Человек, преданный своей родине, своей стране, Леонид Андреев, с легкостью отказавшийся от поста министра пропаганды в правительстве Юденича, за неделю до своей смерти пишет в письме к Н. К. Рериху: «Все мои несчастья сводятся к одному: нети дома. Был прежде маленький дом: дача в Финляндии... Был и большой дом: Россия с ее могучей опорой, силами и простором. Был и самый просторный мой дом — искусство-творчество, куда уходила душа. И все пропало. Вместо маленького дома — холодная, промерзлая, обворованная дача с выбитыми стеклами, а кругом — чужая и враждебная Финляндия. Нет России. Нет и творчества...».

---

* Из вступительной статьи В. А. Богданова к книге: Леонид Андреев. Избранное.— М.: «Советская Россия», 1988.— С. 18.